

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

ОГОНЬ
НЕБЕСНЫЙ

ЛЕГЕНДЫ, БЫЛИ, МИФЫ

Москва
«Книга по Требованию»
2015

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

*Сергею ЗАЛЫГИНУ,
писателю и учителю*

Баженов Г. В.

Б 16 Огонь небесный. *Легенды, были, мифы.* —
М.: Книга по Требованию, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-7117-0058-6

Книга Георгия Баженова «Огонь небесный» — это не совсем обычная проза автора: здесь и легенды современной жизни, и путешествия героев по ту сторону бытия, и городские мифы, и полёт персонажей во сне и наяву, и рождающиеся на глазах были, сказания о любви, урбанистические пасторали и даже мифологические бурлески.

Но все произведения объединены главной идеей: герои находятся в поисках любви, смысла жизни и притятия её тайн.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ISBN 978-5-7117-0058-6

© Баженов Г. В., 2008

© Издательство

«Книга по Требованию», 2015

СОН АЛЁШИ

Путешествие по ту сторону

...Алеша постоял немного у реки, посмотрел на воду, послушал, как река шумит от ударов дождя, и направился в шалаш; в спину тепло светило солнце. Некоторое время он сидел в шалаше, наблюдая, как под далекие раскаты грома раскидывается в полнеба радуга-дуга. Дождь стих так же быстро, как начался; Алеша вышел из шалаша под радугу, тихо улыбаясь; и вдруг на том берегу Чусовой он увидел Надю.

«Надя, Надя!..» — закричал он радостно и побежал к реке. Он видел, как она, присев, рвала в траве цветы, присоединяя их к букету; с Надей были какие-то девушки, вероятно, ее подруги, которых Алеша не знал. Надя казалась грустной, подруги старались развеселить ее, смеялись, вызывали ее на разговор, но Надя молчала, а смех и шутки подруг мешали ей услышать Алешу. Тут из небольшого ельничка выбежал светло-коричневый, с белой звездой во лбу, веселый теленок; смешно взбрыкивая ногами, он побежал к Наде, ткнулся мордой в букет. Надя не испугалась, начала играть с теленком, а он ласково бодался безрогим лбом. Алеша испугался, что Надя теперь

совсем не заметит его, закричал что было сил: «Надя! На-дя!..» Кто-то из подруг заметил Алешу, показал Наде в его сторону. Надя поднялась, отбросила букет в сторону и побежала к реке. Тут же за ней помчался теленок, заскочил прямо в воду, присел на колени: садись. Не раздумывая, Надя села на теленка верхом, теленок оттолкнулся ногами от илистого дна и поплыл, высоко задирая морду. Они плыли прямо к Алеше; Алеша двигался им навстречу, зайдя в воду почти по пояс. Вдруг теленок как бы вырвался из воды (от радуги и солнца стекающие с него капли сверкали ярким блеском) и полетел над рекой, набирая высоту и скорость. Алеша смотрел на теленка, задирая голову, пятась из воды, и, когда теленок с Надей пролетели над ним, его обдало горячим сильным ветром. Алеша развернулся и, глядя в небо, пошел вслед за улетающим теленком, протянув к Наде руки. Все дальше и выше улетал теленок, унося с собой Надю, а Надя сидела не шелохнувшись — видно, сильно испугалась.

Алеша вышел на берег и, немного еще постояв с протянутой вверх рукой, вдруг засомневался, было ли все то, что было. Он оглянулся — на том берегу никого нет; возможно, не было вообще ничего, подумал Алеша, ни дождя, ни радуги, ни видения Нади? Он посмотрел под ноги — трава была влажная; он посмотрел на небо — там переливалась радуга. И когда он решил: дождь был и была радуга, а другое все было только видением, к нему с радуги сошла красивая молодая женщина, одетая, словно

индийская женщина, в сáри различных оттенков, и сказала Алеше, подав ему руку:

— Пойдем.

— Кто ты? — спросил Алеша.

— Ирида. Если не хочешь потерять ее, — она показала на небо, — пойдем.

Алеша времени терять не стал, подал руку, и они пошли. Ирида не разговаривала, ведя Алешу за собой (он вдруг оглянулся и увидел, что они идут высоко над землей, над рекой, лесом, лугом, по сияющему разными красками дугообразному мосту). Вела его Ирида осторожно, не спеша: она боялась, как бы он не оступися и не полетел вниз. Когда они дошли до середины моста и земля вдруг скрылась за плотной туманной завесой, Ирида сказала:

— Закрой глаза.

Вскоре они вошли во дворец; Ирида оставила Алешу в какой-то маленькой комнате, а сама выскользнула наружу, закрыв Алешу на ключ. Вскоре Ирида вернулась, вслед за ней вошла еще женщина. Лицо у нее было спокойное, властное.

— Молодец, — сказала она Ириде. — *Он* и не догадывается ни о чем. — И, взглянув на Алешу, быстро спросила: — Ничего, не сопротивлялся?

— Смирный, — сказала Ирида, улыбнувшись.

— Устрой его в стеклянном зале. Он может понадобиться. Сделай так, чтобы он видел нас и Надежду.

— Хорошо, Гера.

Женщина вышла.

— Ты не голоден? — спросила Ирида.

— Да нет, — ответил Алеша бодро. — Не очень. А это кто была, богиня, что ли? — спросил он.

— Да. Гера.

— А ты кто?

— Ирида. Ее посланница.

— Ну а...

— Всё, — остановила его жестом Ирида. —

Пошли.

Они долго бродили по дворцу, пока не оказались в стеклянном зале.

— В этом зале с внутренней стороны стены стеклянные, и ты все сможешь увидеть. С внешней стороны стены золотые, тебя никто не увидит. Когда ты понадобишься, я приду за тобой.

Ирида вышла из комнаты; одновременно две стены превратились в прозрачное стекло, и Алеша увидел два зала. В одном зале была Надя, в другом — боги. Алеша обрадовался, хотел крикнуть Наде, что он здесь, рядом, но тут же вспомнил слова Ириды: Надя не увидит и не услышит его.

Алеша — делать нечего — подошел поближе к стеклянной стене и начал с любопытством рассматривать богов. Посредине зала, в огромном резном кресле, сидел Зевс; русые его пышные волосы и густая борода, казалось, пенились. В другом кресле сидела знакомая уже Алеше богиня Гера. Она была крайне раздражена и взволнована. Вокруг них сидело множество других богов (одни слушали Зевса и Геру, другие разговаривали друг с другом, третьи пили какой-то напиток и т.д.).

— Да хоть были бы твои любовницы хороши собой, — говорила раздраженно Гера, — красивые, с добрым сердцем! А то ведь одна хуже другой. Возьми хотя бы Латону. Ты вот гордишься ей: она родила мне Артемиду, она родила мне Аполлона! А она только за то, что Ниоба отказалась воздавать ей почести, лишила жизни всех ее детей. Четырнадцать человек убила!

— Уж кому-кому, только не тебе судить о детях, — спокойно отвечал Зевс. — Кого ты мне сама родила? Ареса? Терпеть его не могу! Только и знает, что войны устраивает. Ладно еще, Афродита умиряет его, а то бы и на меня, отца родного, войной пошел! — Зевс поманил пальцем Нике: — Поддай-ка нектар. — И, когда Нике подошла поближе, шепотом спросил у нее: — Ну как?

— Все в порядке. Приняла вид телят, приласкалась к ней, она и клонула... Доставлена на место.

— Скажи Афродите, чтоб приготовила ее. Позже подключите Эроса.

— Хорошо, Зевс.

— Смотри-ка, — продолжал Зевс разговор с Герой, внутренне потирая руки, — о сердце добром заговорила. А вспомни, как с собственным сыном обошлась? Хорошо еще, у Гефеста сердце мое. А то так бы и сидела, прикованная к своему креслу. Но Гефест не стал мстить, не-ет... А ведь ты его в пучину морскую выбросила. Как щенка! И не жалко было? Не жалко!..

В это время в комнату к Наде в сопровождении веселых, беззаботных спутниц вошла юная

богиня. Шаг у нее был легкий, воздушный, одежды почти прозрачные, от слабого движения они приходили в волнение, переливаясь всевозможными оттенками; с правого плеча одежда у нее слегка приспустилась, приоткрыв полное, нежное тело. Свободно и быстро передвигалась она по комнате, что-то говоря и говоря, взмахивая, как крыльями, нежными руками. Похоже было, что она танцует какой-то сложный искусный танец. Спутницы богини тоже кружились или вдруг подсаживались к Наде, шептали ей что-то, смеялись, брали ее за руки. Их приход поразил Надю, она сначала испугалась, но вскоре красота Афродиты — конечно, это была она — покорила ее. Она протянула руку Афродите, смущенно, робко улыбнулась, Афродита подхватила ее руку и повела Надю по комнате, все убыстряя и убыстряя шаг. Вокруг них порхали и пели что-то — сладкое, щемящее, любовное — Оры и Хариты, подруги Афродиты. И чем дольше смотрел Алеша на происходящее, тем больше переживал за Надю. Он видел, что она уже не помнит больше ни о чем на свете. Есть только эта волнующая, не дающая ни минуты отдыха атмосфера любви, танец любви... А Хариты и Оры, а Надя и Афродита всё кружились и кружились...

— Ну, конечно, я у тебя жестокая! Еще бы! — возмущалась Гера. — Да и с чего мне быть доброй, когда у тебя на каждом шагу любовница? В любую женщину ткни пальцем — обязательно твоя любовница. Тут хоть Майю бери, от кото-

рой у тебя родился этот болтун и обманщик Гермес! Тут и Мнемосина, от которой...

— Не будь Мнемосины, не было бы прекрасных муз, — улыбнулся покровительственно Зевс.

— Да мне-то что до ваших муз?! Музы! Скажите на милость! Только и делают, что шлятся повсюду с незаконнорожденным Аполлоном да баламутят богов и людей! Меня называть жестокой у тебя хватает совести, а замечать свои измены и предательства—тут тебя нет. А уж если о жестокости заговорил, так я скажу тебе, что сам ты еще хуже меня. Вспомни, как ты с Метис разделался! Любил-любил, а потом взял и проглотил ее! Так-то ты обходишься с бывшими любовницами! А она беременна была. Да, да, не делай удивленных глаз!.. Думаешь, так я и поверила, что ты сам Афину Палладу родил? Ну нет — не бывало еще на свете, чтобы мужчина рожал, будь он хоть семи пядей во лбу, будь он хотя бы великим Зевсом!

— Но есть же свидетели, — возразил Зевс. — Гефест, например, твой родной сын. Он сам разрубил мне голову, и из нее вышла Афина. Помнишь, у меня тогда голова сильно болела?

— Я все помню, все! — мстительно воскликнула Гера. — Она потому и вышла, что Метис была беременна, а ты ее проглотил. Ты боялся, что она родит сына, который погубит тебя!

— Ох-ха-ха-ха!.. — засмеялся Зевс, вместе с ним рассмеялись и Аполлон, и Афина Паллада, и Гефест с Гермесом, а хмельной Дионис засмеял-

ся громче всех. Лишь Геба молчала, внимательно прислушиваясь к спору своих родителей.

— Смейся-смейся!.. — покачивала головой Гера. — Знаю я эту твою привычку сводить все к смешкам да шуткам. Ты вообще никогда никого не понимал и по-настоящему любил только себя. Тебе никого не жалко!

(Пока Гера говорила все это, Зевс вновь помянул Nike пальцем, пошептался с ней, отдал последние распоряжения насчет Эрота: «Только смотри, чтобы без промахов у меня!» Nike кивнула и удалилась. За нею, не дожидаясь указаний Геры, вышла и Ирида.)

— Да, да, не удивляйся, никого тебе не жалко! — продолжала возмущаться Гера. — Ну, положим, меня не жалко. Любовниц не жалко... — Зевс при этих словах усмехнулся. — Но пожалел бы хоть свою дочь Персефону! Ладно, уж я смотрю сквозь пальцы, что родилась она от Деметры. Но вот что ты отдал ее в жены Аиду, этому чудовищу, я простить тебе не могу! Ты хоть бы представил сначала, кому отдаешь бедную девочку?! Жить в царстве умерших, с этим проклятым Аидом, — до такого только ты и мог додуматься!..

— Аид — чудовище? — изумился Зевс. — Ты забываешь, он наш кровный брат. Он тоже сын великого Крона! Если бы Персефона была моя дочь, брак Персефоны с Аидом был бы невозможен. Деметра — моя сестра, у меня с ней чисто деловые, родственные отношения! Поразмыслика своей головой!